

На правах рукописи

Дмитриева Юлия Юрьевна

КОНЦЕПТ ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы
ОЧУ ВО «Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Кихней Любовь Геннадьевна

Официальные оппоненты:

Круглова Татьяна Сергеевна,
доктор филологических наук (10.01.01. – русская литература), директор
Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального
образования «Институт гуманитарного образования и тестирования»;

Раскина Елена Юрьевна,
доктор филологических наук (10.01.01. – русская литература), доцент, научный
сотрудник Автономной некоммерческой организации высшего
образования «Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт» (МИТУ-МАСИ).

Ведущая организация:

*ФГБУН «Институт филологии Сибирского отделения Российской
академии наук» (сектор литературоведения).*

Защита состоится «21» декабря 2018 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.203.23 при Российском университете дружбы
народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РУДН по адресу: 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Электронная версия автореферата размещена на сайте РУДН: www.rudn.ru

Автореферат разослан _____ 2018 года

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Базанова А.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обоснование темы и предмета исследования. Концепт пути является смысловым центром творчества Николая Степановича Гумилева. Гумилев был не только выдающимся поэтом, но и выдающимся путешественником. В русской литературе, вероятно, сложно найти другого автора, чья география передвижений была столь обширна. В творчестве Гумилева нашли отражение как его туристические поездки в страны Европы, так и экспедиции в Африку, которые стали источником ценного этнографического материала.

Однако понятие пути гораздо шире и глубже, чем понятие путешествия. Гумилев неоднократно обращался к образу жизненного пути, воображаемого скитания и странствия, в его творчестве важную роль играют образы странников, паломников, дервишей.

Метафора жизненного пути – общее место концептуализации представлений о жизни в разнообразных культурах. Представление о жизни как о пути противопоставляется метафоре цикла, жизненного круга, движения по спирали. Путь – это развитие, изменение, смена различных пунктов, стран, культур, фундаментальной категорией движения является его непредсказуемость, возможность встретить в пути кого угодно/что угодно. Круг/цикл символизирует бесконечное повторение, стагнацию, предсказуемость: эта символика проявляет себя в циклической смене сезонов, повторении видов крестьянского труда в зависимости от сезона, циклизации годовых праздников и пр.

В силу специфики исторического периода, в котором жил и творил Николай Гумилев, понятие пути оказалось ключевым для культурных парадигм эпохи. Рубеж веков оказался переходным периодом не только в России, но и во многих других культурах и цивилизациях, и начало XX века психологически ощущалось как смена парадигмы, системы координат, переход от стагнации к развитию. Именно поэтому концепт пути оказался принципиально важным для различных представителей общества, деятелей культуры и искусства.

Творчество Н.С. Гумилева охватило всего пару десятилетий – с 1902 по 1921 год – однако в эти годы уместилось невероятное количество знаковых для России событий: две революции, две войны, смена общественного строя и культурных ориентиров. Гумилев был не просто рядовым писателем, но одним из тех, кто определяет направление путей развития литературы и культуры, и понимание пути в его творчестве углублялось, изменялось – отражая настроения общества и влияя на умы читателей. Не будет преувеличением сказать, что понимание пути в его творчестве закладывало основы культурной парадигмы XX столетия. Принципиальную важность имеет в данном случае роль Гумилева-учителя: его деятельность в качестве основателя и главы «Цеха поэтов», принятые им разборы стихотворений молодых авторов, статьи и критические эссе во многом определили пути развития литературы. Заново

открывшееся читателю творчество поэта во второй половине XX века дало дополнительный стимул развития «гумилевской парадигмы» - вплоть до начала XXI века.

Разнообразие творческого наследия поэта, плюрализм направлений социального и психологического влияния Гумилева на современное ему общество и последующие поколения вынуждают обращаться к концепту как инструменту текстового анализа. Концепт – категория, используемая в качестве инструмента анализа как в лингвистических, так и в литературоведческих исследованиях.

В лингвистических трудах концепт традиционно рассматривается как структура, обладающая центром и периферией. Если рассматривать концепт как статическую, синхроническую структуру, то центром будут те слова и выражения, которые в речи носителей языка чаще всего воплощают репрезентацию данного концепта, на периферии – более редкие слова и выражения, вплоть до маргинальных и окказиональных (дальняя периферия). Если же рассматривать концепт как исторически изменчивую, подвижную категорию (что более свойственно литературоведческому подходу), то у каждого концепта можно выделить некую точку формирования (или переформатирования), эманации которой продолжают определять парадигму существования и восприятия концепта носителями языка и культуры на протяжении долгого периода.

Для концепта пути в современной русской концептосфере таким моментом переформатирования и центром эманационного излучения следует признать творчество Николая Гумилева. Его особое внимание к путешествиям и передвижениям, постоянное обращение к образу пути и путника, ключевая роль в литературном и культурном процессе начала XX века в совокупности определяют важность исследования его творчества через призму формирования и развития концепта пути и ставят вопрос о необходимости тщательного изучения соответствующего семантического комплекса в его творчестве.

Степень разработанности темы. Вопросы отражения в творчестве Гумилева таких концептов, как «путь/дорога», «движение», «путешествие», и смежных понятий рассматриваются в трудах Е.Ю. Куликовой, Е.Ю. Раскиной, Ю.В. Зобнина, И.Ф. Головченко, Е.В. Меркель, Л.Г. Кихней, А.А. Кулагиной, Е.Г. Раздьяконовой, Е.Ю. Кармаловой, О.В. Панкратовой, П.В. Паздникова. В трудах указанных авторов подробно разрабатываются вопросы передвижения, динамики, путешествия в творчестве Гумилева, важность пути/передвижения как миромоделирующей категории, влияния творчества Гумилева на акмеистов и отражения в творчестве членов «Цеха поэтов» и представителей акмеизма как литературной школы. Подробно рассматриваются вопросы периодизации творчества Гумилева, его религиозных и поэтических взглядов.

Для описания духовных путешествий Е.Ю. Раскина применительно к стихотворениям Гумилева вводит термин «геософия», в котором соединены география и философия. Этот термин можно прочесть и как сумму прямых значений его составляющих: Гея – Земля + София – Мудрость. «Мудрость

Земли» в представлении Гумилева – в том, что все дороги мира ведут в рай, и некоторые благодатные страны – промежуточный этап на пути к нему. В роли благодатной земли могут выступать Россия, Индия, Ирландия и другие страны. Это стремление за пределы реальности отмечает и Е.Г. Раздьяконова: «лирический герой Гумилева – пассионарий, открыватель новых земель, новых горизонтов. Его путешествие также отличается устремлением за границы возможного». Духовное путешествие, как и физическое, обязательно имеет цель – для пути активизируется конечная точка маршрута, место, не обязательно обозначенное на географической карте, но, несомненно, имеющееся на карте духовной. «Сколько раз он говорил мне, - вспоминала Ахматова, - о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 (году), признался, что «золотой двери» нет. Это было страшным ударом для него (см. «Пятистопные ямбы»»»).

Ю.В. Зобнин выделяет концепт пути как определяющий для творчества не только Гумилева, но и всех поэтов Серебряного века: «профессор Дмитрий Евгеньевич Максимов – один из блистательной плеяды петербургских литературоведов – младших современников «серебряного века» - в шутку заметил, что все писатели делятся на «путных» и «беспутных» - в зависимости от того, какую роль в их творчестве играет идея пути. ... всеми ими — за редчайшим исключением — владела «мания пути», порождавшая то экстатический восторг, то трагический ужас странствия. ... В свете всего сказанного творчество Н. С. Гумилева предстает вдвойне актуальным: во-первых, вероятно, в истории русской литературы XX в. не было поэта более «путного» (пользуясь терминологией Д. Е. Максимова), - по крайней мере, определения «поэт-странник», «поэт-конквистадор» стали «визитной карточкой» Гумилева во всех современных справочных и научных работах, посвященных поэзии начала XX века, — и, во-вторых, в творчестве Гумилева, при всем пристрастии поэта к «странничеству» — и «внешнему», и «внутреннему», духовному — ощущается некая безусловная духовная победа, утверждающая прежние, истинные «ценности» в изменившемся мире».

Мистический путь в поисках духовно значимого объекта роднит скитания Гумилева с поисками Чаши Грааля в средневековом эпосе, крестовыми походами, путешествиями литературных героев – от Одиссея и аргонатов до Дон Кихота. Гумилев, вероятно, и сам осознавал эту литературную и историческую парадигму: как указывает С. Бердоносова, «каждому гумилевскому хронотопу свойственен свой тип героя и своя светская или духовная цель странствия, но при этом можно говорить о сквозном сюжете всего путешествия, общим и главным мотивом которого становится мотив «возвращения». Архетип «возвращения» предполагает наличие у пути не только конечной точки, но и начальной – того топоса, откуда герой выезжает. По умолчанию этой точкой является дом, однако для Гумилева архетипичен скорее не образ вернувшегося домой после долгих странствий Одиссея, сколько образ «гостя» Садко, удивляющего всех заморскими диковинами.

Задача путешественника – показать не бывавшим в тех краях нечто удивительное, то, что им никогда ранее не доводилось видеть. Гумилевский путник – не только первооткрыватель, но и собиратель вещей, что согласуется с эстетикой акмеизма: вниманием к предмету, вещи, деталям. «Обратим внимание, что и Гумилев, и Мандельштам, говоря о самоценности реальных явлений, противопоставляют их «небытию». Оппозиция «бытия – небытия» – одна из важнейших в акмеистической «картине мира». Причем в понятие «небытия» входит не только то, что не существует, но и то, что не явлено для наших органов чувств, не проявлено в этом мире. Сам факт явленности вещей служит основанием для того, чтобы считать их сущностными». Путь – не просто смена картинок вокруг путешественника, это конкретное деяние в материальном мире, имеющее зримый результат. При этом сама идея пути в рамках акмеизма рассматривалась Гумилевым как основополагающая: ему принадлежит определение акмеизма как «пути наибольшего сопротивления», на котором только и возможны достижения в творчестве.

При диверсификации лирических героев проделываемый путь и постоянная динамичность, движение является отличительной чертой их жизненной позиции: «в каких бы образах ни выступали эти герои, их всегда характеризует одна черта – активное передвижение во времени и пространстве, они всегда деятельны и энергичны. Возможно, это связано с жизненной позицией самого поэта». Это обуславливает важность анализа пути именно как концепта, некоего центра творчества, его смыслового ядра и ключа к его организации.

Сам термин «концепт» первоначально возник как транслитерация английского concept, «понятие», однако практически сразу перерос термин «понятие» и стал использоваться в качестве термина, описывающего пучок понятий, представлений, связанных друг с другом. Концепт как научная категория, в свою очередь, также широко исследован в трудах современных ученых. В современных лингвистических исследованиях, выполненных в рамках когнитивной и лингвокультурологической парадигм, широко используются понятие «концепт» и его производные «концептосфера», «концептуализация», «концептуальный» и т.д. (Ю.Д. Апресян, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Д.О. Добровольский, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.).

Концепт в большинстве случаев имеет концентрическую структуру с выделяемыми ядром (центром) и периферией. В качестве ядра и периферии выступают разнообразные слова и словосочетания, представляющие собой репрезентации концепта, при этом наиболее употребляемая репрезентация обычно тождественна самому наименованию концепта – так, для концепта «путь» такой ядерной репрезентацией будет само слово «путь». Далее репрезентации концепта распределяются как наиболее частотные (ядро), менее частотные (ближняя периферия) и наименее частотные (дальняя периферия). Границы концептов, ядра и периферии, ближней и дальней периферии подвижны, проницаемы и варьируются от одного представителя языкового

коллектива к другому, что и является одним из ключевых моментов отграничения концепта от понятия в его логическом и терминологическом смысле – концепт является динамическим, изменяющимся и эволюционирующим и не обладает той жесткостью границ, которая свойственна понятию.

Концепты являются частью ментального языкового пространства определенного языкового коллектива, смыслообразующими ядрами когнитивной организации личности носителя языка и языковой картины мира нации. Основой развития концепта является личный и исторический опыт, ассоциации и сюжеты, которые через призму языкового сознания отдельной личности могут войти в коллективный опыт народа.

Первоначально термин «концепт» возник и использовался в лингвистике применительно к анализу картины мира, языкового сознания, языковой личности, когнитивных категорий. Однако в начале XXI столетия термин «концепт» все чаще стали применяться в области и литературоведческого анализа: так, подобный подход применяется в работах А.А. Андриенко Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, Ю.А. Ревво, И.П. Черкасовой, О.Ю. Щибря и др. В этих трудах концепты рассматриваются не просто в совокупности своих лексических репрезентаций, но и как обогащенные новыми семантическими связями в творчестве различных авторов. О.Е. Беспалова предприняла исследование лексических репрезентаций концептосферы поэзии Н.С. Гумилева в лингвистическом ракурсе, с выделением концепта путь / дорога в качестве одного из сигнификативных. Однако в этом лингвистическом исследовании представлен лексический анализ манифестаций концепта без обращения к его мотивной, образной и сюжетной структуре.

Понимание концепта в его лингвистическом применении подразумевает систематизацию репрезентации определенного понятия и смежных с ним категорий в языке. В литературоведении специфика использования данного термина опирается на ограничение тезаурусного фонда: контексты, показывающие репрезентацию данного концепта, ограничены корпусом текстов одного писателя / нескольких писателей / определенного литературного направления. Иными словами, репрезентация концепта корректируется в зависимости от особенностей конкретной языковой личности и обусловлена идиолектом, особенностями воспитания и образования данной личности, а также – что особенно важно для поставленных в данной работе задач – творческим порывом личности, новациями, вносимыми человеком / людьми в поэтику и разработку определенной темы.

При этом ни в трудах лингвистов, рассматривающих концепты и смежные понятия, ни в трудах авторов, обращающихся к творчеству Гумилева, нет обращения к образу «зачинателя» концепта, человека, который оказался, вольно или невольно, автором определенных ключевых оппозиций культурной парадигмы, определивших развитие концепта и отношение к нему в культуре. Творчество Н.С. Гумилева также ранее не рассматривалось через призму концепта пути, его репрезентаций и сигнификативных тектонических сдвигов в

его структуре. Необходимость изучения творчества Н.С. Гумилева с помощью указанного подхода определяет **актуальность исследования**.

Обращение к эволюции концепта пути **актуально** в связи со спецификой как творчества Гумилева, так и того исторического периода, в котором жил и творил поэт. В творческом наследии Гумилева преобладают малые формы: стихотворения, объединяемые в сборники, небольшие рассказы и очерки. По этим малым формам можно проследить грани эволюции концепта, его различные аспекты и моменты его эволюции. Изменчивость исторического периода и культурной парадигмы, распространенные в обществе размышления о пути народа, об историческом пути государства обуславливают необходимость анализа концепта в его формировании и развитии – от юношеского до зрелого творчества поэта.

Исходя из заявленной выше научной проблемы и обозначенной степени ее исследованности, **актуальным** представляется изучение *концепта «путь» в творчестве Николая Степановича Гумилева*. Необходимость решения как теоретических, так и практических и методологических вопросов определили объект, предмет, цели и задачи диссертационного исследования.

Объектом исследования являются тексты Н.С. Гумилева – прежде всего его лирика, а также драматургия и проза, включая критические статьи и дневниковые записи.

Предмет исследования – концепт пути, отраженный в художественных текстах Н.С. Гумилева.

Цель исследования заключается в выявлении специфики формирования, эволюции, способов репрезентации концепта *путь* в творчестве Н.С. Гумилева.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. *уточнить* специфику концепта как теоретического понятия в литературоведении, выявить способы его репрезентации и манифестации;
2. *изучить* способы репрезентации концепта «путь» в доакмеистическом периоде творчества Гумилева (сборники «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга» и примыкающие к ним прозаические и драматургические произведения);
3. *выявить* реализацию концепта пути в акмеистическом периоде творчества (сборники «Чужое небо», «Колчан», «Костер», «Шатер», «Фарфоровый павильон», неизданные произведения, проза и драматургия);
4. *Рассмотреть* метаморфозы концепта в постакмеистическом периоде творчества Н.С. Гумилева на материале сборника «Огненный столп» и «Поэмы начала».

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области изучения акмеизма вообще и творчества Н.С. Гумилева, в частности, чрезвычайно полезными в свете поставленных в настоящей работе задач оказались исследования известных гумилеведов и специалистов по Серебряному веку, в

частности по акмеизму – Ю.В. Зобнина, Е.Ю. Кармаловой, Л.Г. Кихней, Е.Ю. Куликовой, О.А. Лекманова, Д.Е. Максимова, Е.В. Меркель, О.В. Панкратовой, Е.Р. Пономарева, Е.Ю. Раскиной, Р.Д. Тименчика. Необходимым методологическим подспорьем для нас стали работы лингвистов и литературоведов, разрабатывавших вопросы концептологии, - А.А. Андриенко, Ю.Д. Апресяна, О.Е. Беспаловой, М.В. Всеволодовой, Л. Ельмслева, Е.С. Жернаковой, В.И. Карасика, Л.А. Козловой, Т.С. Кругловой, Е. Куриловича, Д.С. Лихачева, З.Д. Поповой, Ю.Е. Прохорова, Ю.С. Степанова.

В работе использовался комплекс самых различных подходов, базовыми методами для нас стали: системно-типологический, сравнительно-исторический, биографический, культурно-исторический, структурно-семантический методы, а также использовались методики герменевтического и мифопоэтического анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт пути является основным, «стержневым» в творчестве Н.С. Гумилева. Это своего рода ось, на которую нанизаны все значимые произведения и творческие идеи автора. Путь сыграл важную роль и для биографии Гумилева: путешественник – не только его литературная маска, но и значительная часть его жизни. Гумилев сам себя идентифицировал как путешественника, исследователя, первооткрывателя, и для него концепт пути также имел определяющее значение. При этом Гумилев обращался к теме пути прежде всего в прямом смысле значения данного слова – путь как передвижение в географическом, физическом пространстве. Смыслы духовного пути, пути эволюции и развития были деривативами исходного значения, что согласуется с историей развития концепта «путь» в концептосфере русского языка.

2. Лексико-семантические репрезентации концепта «путь», его ключевые параметры и оппозиции, разнообразные прочтения и манифестации в творчестве Гумилева оказали решающее влияние не только на современную систему представления этого концепта, но и на эволюцию концептосферы русского языка XX столетия.

3. Ранний доакмеистический период творчества Н.С. Гумилева, до основания «Цеха поэтов» и манифестации акмеистического течения, можно условно обозначить как период, приравнивающий путь – к путешествию. Все путники, странники, скитальцы из произведений Гумилева этого периода, объединены по нескольким признакам: все они отправляются в дальнее странствие, в другую страну или в другой город, их путешествие зачастую охарактеризовано по цели – человек «отправляется к» какому-то объекту, важнейшей категорией их путешествия является целеполагание. Типичный субъект пути в этот период творчества – конквистадор, объединяющий в себе первооткрывателя и завоевателя, его движущей силой является неустанная жажда поиска и познания. Путник Гумилева практически бессмертен: смерть не является поводом для прекращения пути, более того, если путь достиг своей

цели, закончился, то путник ощущает себя несчастным, а тот, кто вечно пребывает в пути, способен преодолеть смерть. Обращение к типичным путникам европейской и мусульманской мифологии в этот период обогащает их восприятие новыми, нетипичными прочтениями, что также приводит к диверсификации репрезентаций концепта пути. Маргинальными семантическими репрезентациями в ранний период творчества являются образы путников во времени: пока их следует отнести к периферии пространства концепта.

4. Для следующего периода, главным событием которого является основание и становление акмеизма, понимание пути вытекает из общих творческих установок течения: путь из символического становится конкретным, охарактеризованным определенными вещными деталями, протекание пути становится важнее его телеологии, образ странника конкретизируется, превращается в человека с биографическими, личностными деталями. Программным понятием для акмеизма становится сформулированное Гумилевым «движение по пути наибольшего сопротивления». Концепт пути обогащается представлением о коллективном субъекте пути, о связи путника и спутника (спутницы), а также от первичного значения пути-движения идет смещение в область пути-борьбы, жизненного пути. Углубляется образ негативной модальности оценки пути: если путь конквистадора мог быть охарактеризован только как «радостный», то диверсификация прототипических ситуаций пути в акмеизме привела к возникновению образа негативной эмоциональной оценки пути, который окончен.

5. Произведения Н.С. Гумилева 1913 – 1916 гг. обогащают концепт пути новым слоем репрезентаций: путь получает религиозное и мистическое прочтение. Субъект пути становится коллективным (от войска до страны/народа/цивилизации), а цель пути сакрализуется. Мотив «наибольшего сопротивления» получает развитие и продолжение в противопоставлении души и тела: телесные лишения приводят к духовному возвышению, что, в свою очередь, пересекается с антитезой ведущего и ведомого. В паре «дух – тело» дух выступает в роли ведущего, тело – в роли ведомого, что при дальнейшей углубленной проработке вопроса сближает концепцию Гумилева с философией Платона и неоплатоников.

6. Социальные потрясения 1914 – 1918 гг. повлияли на репрезентацию концепта пути в позднем периоде творчества Н.С. Гумилева: путь начал пониматься поэтом как средство интеграции, «сборки» определенных деталей и вариантов воплощения чего-либо: личности, народа, слова, души. В этот период в творчестве Гумилева слова отличаются особенно тщательным подбором, и в одном контексте может быть скрыто сразу несколько вариантов понимания определенного слова, в единый семантический пучок объединяются мифологические, культурные и интертекстуальные связи, которые позволяют понимать путь как «складку» текста, одновременно содержащую в себе массу смыслов. Автор задается вопросом об историческом пути России, что актуализирует образ пути во времени, дополняющего и/или заменяющего путь

в пространстве. Плоскостной путь раннего творчества развивается в вертикальный, глубинный, пространственно-временной путь.

7. Последний, «постакмеистический», период творчества Н.С. Гумилева, наступивший после 1919 года, представляет собой прорыв к новому типу поэзии и новому пониманию концепта пути. Парадоксально, но всегда передвигавшиеся и жадные до движения герои Гумилева оказываются в тупике, и поздние стихи представляют собой фиксацию этой стагнации и разнообразные попытки ее преодолеть. В качестве преодоления может выступать как прорыв к новому миру и новому измерению, так и оглядка назад (пересмотр итогов жизненного пути), а также мистический путь, субъектом которого является не человек, а слово, число, душа, разумная часть души и пр.

8. Развитие концепта пути в творчестве Н.С. Гумилева носит кумулятивный характер: концепт как бы растет, подобно дереву (и сам автор осознает этот «древесный принцип», многократно обращаясь к образу дерева/древа), и появление новых «ветвей» не отменяет роста нижних. Выросший из интереса к Музе дальних странствий и конквистадорству «путь к экзотике» эволюционировал и развился до представления о пути цивилизации и пути народа, но и образ мореплавателя-конквистадора для поздней поэзии по-прежнему актуален.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена систематизацией способов и стратегий репрезентации концепта «путь» в творчестве Николая Степановича Гумилева. Важность пути, путешествия, передвижения для поэта уже стала общим местом исследований его творчества, однако системной попытки рассмотреть концепт в его становлении и зарождении, понимая при этом поэта как одного из тех представителей культуры Серебряного века, который внес весомый вклад в формирование концепта или его переформирование под влиянием определенных исторических событий, ранее предпринято не было, что и определяет научную новизну данного исследования.

Теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в дальнейших теоретических и прикладных исследованиях в области литературы Серебряного века, концептологии, идиолекта и миромоделирования в творчестве определенных поэтов.

Сформулированные теоретические положения могут стать основой учебно-методического комплекса, пособий для студентов, курсов по выбору, специальных курсов и специальных семинаров, посвященных литературе Серебряного века, Н.С. Гумилеву и концептологии.

Апробация результатов исследования. Результаты теоретических и практических наблюдений, изложенные в диссертационной работе, представлены в докладах на международных и всероссийских научных конференциях, а также были опубликованы в 3 изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в 1 учебном пособии и в 2 сборниках научных работ и материалов научных конференций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** представлено обоснование темы исследования, указываются степень ее разработанности и актуальность; сформулированы объект, предмет, цель, задачи, методология исследования и новизна; определены основные теоретические положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** работы **«Архетипические модели пути и путника в доакмеистический период творчества Н.С. Гумилева»** рассматривается динамика изменения концепта пути и его развития в сборниках «Путь конквистадоров», «Романтические цветы» и «Жемчуга».

В *первом параграфе* главы **«Идея пути в сборниках Н.С. Гумилева «Путь конквистадоров» и «Романтические цветы»»** анализируются ключевые моменты понимания пути в раннем творчестве Гумилева.

В центре внимания в этот период путь «профессиональных» путешественников: конквистадоров, капитанов и пр., которых привлекает некая цель, конечная точка движения. Интерес к самому процессу пути для них не характерен. Таким образом, путь для таких героев скорее поиск результата.

Первое произведение сборника «Путь конквистадоров» «Я конквистадор в панцире железном» рассматривается как хрестоматийное. В нем намечается основной вектор пути, противопоставляется путь «к звезде» / «к деве» и «путь от». Где первый определен как позитивный. «Путь от» воспринимается же как минус-вектор, движение из какой-либо точки, от определенного места, не имеющее цели обозначения ассоциируется с отрицательным, зловещим, неприятным.

В сборнике «Романтические цветы», в целом, сохраняется архетип путника – завоевателя, представленный в «Пути конквистадоров». Однако странник все чаще предстаёт мореплавателем, а путь его омрачают многочисленные образы смерти («За гробом», «Орел Синдбада», «Невеста льва», «Носорог»).

В исследовании отмечается деление сборника на «африканский цикл»: «Озеро Чад», «Носорог», «Жираф» и «римский цикл» («Каракалла», «Мореплаватель Павзаний...»), прослеживается развитие темы столкновения динамики (путешественник) и статики (женщина, не знакомая с чудесами / город, в который прибывают пришельцы), а также темы встречи чужака и вторжения чуждого элемента в сложившийся мир.

Второй параграф первой главы **«Диверсификация семантического комплекса пути и путника в «Жемчугах»»** посвящен анализу новых образов путника, которые отражаются в произведениях сборника «Жемчуга». Образ конквистадора-завоевателя теперь дополнен образом путника-воина («Поединок», «Царица», «Товарищ», «Воин Агамемнона», «Варвары» и пр.), появляются путник-охотник («Сказочное» (это стихотворение при публикации 1918 года было перенесено автором из «Романтических цветов» в «Жемчуга») + «Охота»), путник-читатель («В библиотеке», «Читатель книг»), погрузившийся в книжный мир, и его путешествие совершается словами и в словах. и пр. В

стихотворении «Христос возникает иной архетип путника, который призывает других присоединиться к нему.

Особое внимание уделяется циклу «Капитаны». Доказывается, что этот цикл представляет собой высшую точку развития образа путника-конквистадора, и является своеобразной точкой стяжения всех основных мотивов понимания пути в доакмеистический период.

Вместе с тем в художественном сознании Гумилева расширяется и понимание самого пути. Путь представляет собой не только преодоление пространственных границ, но и временных, духовных. Речь идет о пути в глубину культуры, к накопленному человечеством опыту. Преодоление всех пределов – в том числе и смерти – обращается неминуемой (неотвратимой несмотря на победу над смертью) гибелью, однако герой готов к этому и не испытывает страха. Тема противопоставления динамики – статике, характерная для «Романтических цветов, реализуется через мотив мечты, воспоминания или сна («Вечера», «Старина», «Попугай»).

Во второй главе работы «Ядерные и периферийные репрезентации концепта пути в Акмеистическом периоде творчества Н.С. Гумилева» рассматривается изменение авторского понимания концепта пути под влиянием теоретических идей акмеизма.

В *первом параграфе* второй главы «**Образы, мотивы и сюжеты пути в период «бури и натиска» акмеизма**» представлен анализ произведений первого сборника стихов, опубликованного Гумилевым после декларации об акмеизме, – «Чужое небо». В сборнике отмечается появление новой модели пути - «путь с»: лирический герой в большинстве стихотворений находится в поиске кого-либо, кто разделит с ним путь («Ангел-хранитель», «Тот другой», «Вечное», «Оборванец»). Вместе с тем, пересматривается модель «пути к чему-то» - путник, достигший цели и завершивший путешествие позиционируется как несчастный (поэма «Открытие Америки», «У камина»). И, напротив, тот, кто скитается вечно, чья цель пути недостижима в принципе либо постоянно меняется, ощущает себя счастливым (пьеса «Дон-Жуан в Египте», «Путешествия в Китай», «Паломник»). Отсюда, оформление нового, близкого к восточному, понимание пути как колеса сансары, не имеющего начала и конца («Я верил, я думал...»).

Во *втором параграфе* главы «**Антиномия пути тела и пути духа в произведениях 1913 – 1916 гг.**» рассмотрены произведения, включенные в сборник «Колчан». В сборнике отчетливо прослеживается влияние как военного опыта Гумилева, так и впечатлений от предпринятых им путешествий в Италию и Африку на развитие концепта пути.

Особое внимание уделяется исследованию возникающих антитез. Практически во всех произведениях наблюдается оппозиция пути тела и пути духа, где динамика духа противопоставлена статике, косности тела. Наряду с этим, противопоставляется движение в пространстве движению во времени, христианская парадигма - буддистской и «туземной», индивидуальный путь лирического героя рассматривается в контексте мировой культуры. Интересна

структура сборника «Колчан», который скомпонован автором по принципу «трансфикса» - роль корня слова выполняют стихи о войне и о России, а также об Африке, роль трансфикса, придающего корню дополнительное деривационное значение – стихи об Италии. В этом построении сборника проявляет себя как противопоставление духа (Россия) плоти (Италия), так и противопоставление двух векторов путешествий Гумилева: поездка в Италию – это поездка «к культуре», в Африку же – «от культуры», «от цивилизации».

В «Колчане» двояко представлен и образ путника — это и свойственный ранним произведениям путник-путешественник и путник-воин, ощущающий себя частью войска. Тема спутника, начатая в «Чужом небе», реализует себя через присоединение к множеству людей – участие в войне и опыт боя (отраженный автором не только в стихотворениях, но и в прозаических «Записках кавалериста»). Повторяющаяся в «Колчане» не единожды тема счастья от обретения Бога («Счастье», «Наступление», «Видение») оказывается своего рода итогом скитаний путника, его обретенной целью. Путь приобретает христианский, подвижнический смысл, и в то же время смыкается с восточной, буддистской традицией.

Третий параграф второй главы, «*Эволюция модели пути в лирике и драматургии 1917 – 1918 гг.*», посвящен стихотворениям и пьесам указанного периода. Стихи революционного и послереволюционного периода отличаются две ключевых особенности: важность образа дерева (древа) и обращение к истории России: путешествие в пространстве сопрягается с путешествием во времени. Книга «Костер», аккумулирующая стихотворения 1917 – 1918 гг., представляет собой поэтическое осмысление постигших Россию потрясений, и неудивительно, что от любования экзотикой, характерного для ранних сборников, поэт переходит к образам, характерным для русской мифологии. В стихотворениях из «Костра» актуализируется иное понимание концепта пути: дорога как точка входа в определенное пространство, путь, по которому может прибыть как добро, так и зло («Змей», «Мужик», скандинавский цикл). В небольшом по объему «Костре» обновляется набор семантических репрезентаций концепта пути: помимо традиционных для творчества Гумилева пути-путешествия и пути-военного похода, возникает вариант пути-поиска – при этом не только поиска человеком, но и поиска своего пути целой страной. Поиск смыкается с двумя другими сквозными темами «Костра»: понятие пути во времени (поиск страной своего исторического пути предполагает обращение к истории, к корням). Поиск «корней» приводит к разработке в «Костре» «древесной» тематики, подразумевающей еще один вариант пути – «путь дерева»: неспешное, гармоничное развитие, неуклонный рост. Степенность и спокойствие дерева противопоставляется суетности, «мельтешению» человеческого пути: в «Костре» настойчиво проводится мысль о наличии некоей «настоящей» жизни, о наносном характере известных герою переживаний и передвижений. Тщетность пути рассматривается на новом уровне: не в категориях достижения / недостижения цели, но в категориях бессмысленности передвижения как таковой.

Своеобразным поиском пути становится также обращение к скандинавской мифологии в пьесе «Гондла», интерес к китайским стихотворениям («Фарфоровый павильон»). Продолжая восточные мотивы и понимание пути в культуре Китая, Гумилев выбирает для перевода, главным образом те стихотворения, в которых говорится о спокойствии, стабильности, умиротворении. Так, образ спокойной и мудрой жизни в различных вариантах описывается в стихотворениях «Фарфоровый павильон», «Луна на море», «Отраженье гор», «Природа», «Счастье», «Соединение», «Поэт», «Дом», «Аннам». Герои этих произведений не находятся в вечном скитании, движении, они нашли то спокойное счастье, которое неведомо большинству путников Гумилева. Усиливается и интерес к другим культурам и другим пониманиям пути, в частности, к восточному дао – жизненному пути, понимаемому не как движение из точки А в точку Б, а как некий непрерывный и всеобъемлющий процесс. Для постижения дао не обязательно перемещаться физически, путь можно постичь и созерцанием, – это становится основной идеей «Фарфорового павильона».

В 1921 году выходит последний прижизненный сборник стихотворений Гумилева – «Шатер», посвященный описанию Африки. Этот сборник должен был открыть большую «Географию в стихах», и Гумилев начал с Африки как наиболее близкого и интересного ему континента. В «Шатре», созданном в 1918 – 1919 годах, снова восстанавливаются семантические репрезентации концепта пути, характерные для раннеакмеистического «Чужого неба» и даже для «Жемчугов»: путь мыслится как преодоление, «сопротивление материала».

Для Н.С. Гумилева вопрос об историческом пути оказывается важен не только в контексте происходящих в России событий, но и в контексте его собственного пути: он придавал большую важность своей личности как потенциальному источнику исторического поворота. Обращение к итальянской, китайской, мусульманской культуре в этом контексте представляет собой альтернативные пути развития, что в итоге поднимает вопрос об еще большем уровне обобщения: тема пути цивилизации, мирового пути, в котором объединены и природа, и культура.

Третья глава, **«Концепт пути в постакмеистическом творчестве Н.С. Гумилева»**, посвящена стихотворениям, вошедшим в последний сборник поэта «Огненный столп». В *первом параграфе* третьей главы, **«Путь как тупик и путь как прорыв в художественном пространстве «Огненного столпа»**», рассматривается принципиально новый для поэтики Гумилева образ «тупика», «беспутья», «остановки». В «Огненной столпе» возникает принципиально новая модель мира. Путь в ней понимается как фактор соединения: с одной стороны, это соединение различных культурно-исторических парадигм (древнерусской, скандинавской, зороастрийской, африканской, западноевропейской), с другой стороны – слияние различных мифов и религий, в итоге объединяющееся в синтетическую русскую культуру и особый исторический путь России. В то же время Гумилев создает начала своей, авторской, мифологии, в которой конец чего-либо оборачивается началом

нового, зарей новой жизни и нового пути. Окончание жизненного пути как момент начала нового развития отсылает и к мифологии переселения душ, и к образу бабочки-куколки, проживающей несколько перерождений. Исторический путь народа и его перипетии получает отражение в индивидуальном пути конкретной личности, который, по Гумилеву, отличается некой неотвратимостью и фатальностью.

Концепт пути в «Огненном столпе» получает воплощение как путь человека, путь его души и его тела, путь народа, путь слова и пр. Эта интегральность согласуется с поэтическими принципами Гумилева последних лет жизни – формирование «интегральной поэтики», которой поэт планировал посвятить теоретический труд. Гумилев вынашивает идеи мистической поэзии, к образцам которой можно отнести и многие стихотворения «Огненного столпа»

При этом стихотворения, вошедшие в «Огненный столп», отличаются парадоксальным для всей предыдущей поэзии Гумилева решением концепта пути как отсутствия направления – тупика (ср. пушкинское «Плывет. Куда ж нам плыть?»). Лирический герой Гумилева едва ли не впервые в своей истории оказывается статичным («Канцона первая», «Канцона вторая», «Персидская миниатюра»). Вариантами выхода из тупика может быть прорыв («Слоненок»), оглядывание назад («Память», «Мои читатели», «Заблудившийся трамвай») либо состояние морока, бреда, опьянения («У цыган», «Пьяный дервиш»). Выходом из тупика является и прорыв к новому миру («Звездный ужас»).

В стихотворениях 1919 – 1921 гг. центральной идеей становится метемпсихоз: движение души, переход в новую сущность, различные варианты решения вопроса о жизни после смерти. Смерти как таковой в мире Гумилева нет: лирический субъект блуждает между мирами, перевоплощается, меняет души и/или тела, но не умирает. Для поэзии Гумилева никогда не было свойственно представление о смерти как о «конце всего», однако если конквистадоры и моряки ранних стихотворений попросту не замечали свою смерть, то в поздних стихах смерть становится промежуточной остановкой на пути, поводом к перемене.

Из стихотворений и поэм последних лет жизни принципиально уходит представление о целенаправленном пути – пути завоевателя, первооткрывателя. В «Огненном столпе» данью образу конквистадора становятся только подводящие жизненный итог «Память» и «Мои читатели», в центре внимания – путь в мистическом пространстве, движение на границе миров.

Концепт границы оказывается в контексте «Огненного столпа» субконцептом для концепта пути: мир, моделируемый стихотворениями этого сборника, мистичен, разделен на автономные, но взаимопроницаемые миры, и один и тот же путь может параллельно осуществляться в нескольких мирах.

Второй параграф третьей главы, «*Семантическая репрезентация пути слова и пути числа в позднем творчестве Н.С. Гумилева*», посвящен мистическим репрезентациям концепта пути. В целом, для позднего творчества Н.С. Гумилева характерна глубокая мистичность: если в ранний период

субъектом «пути», движения мог быть только человек, а в дальнейшем появились образы «пути коллектива людей», «пути страны», «пути народа», «пути цивилизации», то в 1919-21 гг. к этим моделям пути следует добавить «путь слова» и «путь числа», проявляющие себя не только в поэзии («Поэма начала», «Слово», «Шестое чувство»), но и в теоретических работах Гумилева. Субъект пути в поэзии последних лет понимается чрезвычайно широко: это может быть не только отдельный человек в своих различных ипостасях, но и народ, цивилизация, число и слово. Абстрактно понимаемый «путь числа» и «путь слова» поздних стихотворений смыкается с теоретическими работами Гумилева и его сопоставлением поэзии с математикой.

В *Заключении* излагаются основные результаты исследования. Для развертывания концепта пути как в прямом смысле, так и в многообразии его переносных значений актуальными являются параметры протоситуации пути, среди которых важнейшую роль играет субъект пути – тот, кто его осуществляет/реализует; цель пути (либо ее значимое отсутствие); а также комплексный параметр, который можно охарактеризовать как «обстоятельства протекания» пути: сложность/легкость продвижения по пути, остановки в пути и пр. У Гумилева в центре внимания всегда два основных параметра: субъект пути – тот, кто осуществляет движение, - и вектор направления, цель пути, являющаяся одновременно и ключевым фактором в его определении, и телеологическим параметром.

Эволюция концепта пути у Гумилева была многоступенчатой и осуществлялась по кумулятивному принципу: появление новых репрезентаций и семантических связей не отменяло и не упраздняло прежние, наоборот, углубляло имеющиеся смысловые связи, демонстрируя их новые грани и оттенки смысла.

Точкой отсчета стала репрезентация концепта пути, омонимичная названию первого печатного сборника стихотворений, - «Путь конквистадоров». В ранней поэзии Гумилева важнейшим параметром пути является цель: путь не может осуществляться без цели, он всегда имеет какую-то конечную точку, некий показатель, которого можно достичь. Путники, субъекты пути в ранней поэзии – первооткрыватели, конквистадоры, мореплаватели, в большинстве случаев – люди, которые открывают новые земли, стремятся познать непознанное и неизведанное.

Образ путника-конквистадора получает развитие в последующих сборниках, после юношеского «Пути конквистадоров». В доакмеистический период творчества поэта формируются три архетипических образа путника, которые могут быть условно обозначены как «путник-Одиссей», «путник-Дон-Жуан» и «путник-Христос». Все эти образы эксплицитно упоминаются в поэзии и драматургии Гумилева и в то же время они далеки от стандартного мифологического представления о соответствующих героях.

Магистральной темой, центральной репрезентацией концепта пути является модель «пути первооткрывателя», однако уже в «Жемчугах» начинают возникать периферические репрезентации концепта пути, среди которых

важное место занимает путь читателя – погружение в книжный мир, литературное путешествие, и связанный с ним путь – погружение в глубь времен.

Переломным моментом в понимании концепта пути и обновлении его репрезентаций следует считать 1911 год: год основания акмеизма как литературной школы и определенной коррекции системы образов творчества поэта. Главенствующей репрезентацией, семантическим центром концепта пути постепенно становится образ совместного пути, дороги, которую осуществляют ведущий и ведомый. С этим сопрягается центровая идея акмеизма, сформулированная Гумилевым как «путь наибольшего сопротивления». В его программных статьях и стихотворениях этого периода акцентируется параметр «прохождения» пути, борьбы с различными противоборствующими обстоятельствами. Легкий путь – не путь акмеизма, и не путь героев стихотворений Гумилева. Это перемещает акцент с субъекта и цели пути на параметр обстоятельств протекания: важным моментом становится прокладывание пути, сопротивление разнообразным препятствующим обстоятельствам.

Превалирующей темой этого периода становится напряженный поиск того, кто разделит путь с героем, станет ведущим или просто пойдет рядом. В сборнике «Чужое небо» роль спутника в различных стихотворениях примеряют на себя как героини-мужчины, так и героини-женщины. В дальнейшем сборники «Колчан» и «Костер» углубят и расширят этот параметр: одним из воплощений совместного пути станет путь коллективный, движение «в строю», среди единомышленников. Это сближает представление о пути в прямом смысле с его периферийной переносной репрезентацией – путь как жизненная позиция, как некая система взглядов, кредо.

Важнейшей поворотной точкой для жизни и творчества Гумилева стало его участие в войне. Возникший образ «пути воина» (ранее неявно растворенный в образах мореплавателей и конквистадоров) дает два важных периферических момента семантической репрезентации: мысли об антитезе тела и духа и разделении «пути тела» и «пути духа». Вплоть до самого позднего периода творчества поэт будет обращаться к этому противопоставлению, углубляя разницу между телом и духом. Эта семантическая репрезентация пути сопрягается с образом ведущего и ведомого, причем ведущим всегда выступает дух, ведомым – тело. Образ «пути воина» также неразрывно связан с путем, понимаемым в религиозном ключе, - поиском веры, обращением к Богу. Путник-конквистадор, так занимавший юного Гумилева, растворяется в сонме путников-воинов, каждый из которых преодолевает свои телесные нужды и потребности и следует по пути духа и веры.

Обращение к пути веры и внимание к православию становятся ключевыми для следующего шага в аккумуляции репрезентаций концепта пути: от пути человека Гумилев продвигается к осмыслению пути нации / народа / страны. Путь нации, путь народа восходит к еще более широкому обобщению: пути цивилизации. В 1917 – 1918 гг. Гумилев активно интересуется не только

скандинавской, но и китайской, а также мусульманской культурой, много переводит и создает авторские пьесы, поэмы и стихотворения, посвященные этим культурам и перерабатывающие их образы и мифы. Эта тенденция также воплощает поиск пути, попытку предложить нестабильному, «потерянному» государству новый путь.

Таким образом, в период 1912 – 1917 гг. в концепте пути на первый план выходит параметр субъекта, получающий многообразные новые репрезентации, и параметр обстоятельств. Цель пути уходит на второй план и часто растворяется в обстоятельствах: так, акмеистическое преодоление трудностей, «сопротивления материала» и воспринималось как самоцель (для героев-путников этого периода не так важно, в какую точку ведет их путь, как важно именно преодоление трудностей и тем самым «построение» себя как субъекта пути).

Поэтическая манера «Огненного столпа» во многом отличается от предыдущих периодов творчества – в первую очередь, стихотворения становятся мистичными, для них характерна смысловая многоплановость, «наложение картинок» (действие происходит одновременно в нескольких пространствах и временах). Герои стихотворений «Огненного столпа» погружены в ирреальное пространство. Концепт пути в поздних стихотворениях получает динамическое воплощение. С одной стороны, целый ряд стихотворений активизирует совершенно не характерные ранее для Гумилева образы «беспутья», «отсутствия пути». Это является не столько стагнацией, сколько тупиком: герой, ранее постоянно находившийся в движении, внезапно остановился, не понимая, куда и как ему двигаться дальше.

Целый ряд стихотворений 1919 – 1921 годов представляет собой ответ на эту антонимическую репрезентацию концепта пути. Прежде всего, выходом из тупика может быть взрыв, прорыв, смена парадигмы – иносказательные образы слоненка, пьяного гостя, племени, никогда не видевшего неба, показывают, что этот прорыв ведет к новому, принципиально иному существованию, и, безусловно, не обходится без утрат и жертв.

Другой вариант преодоления тупика – это оглядка назад, подведение итогов, которое в поэзии Гумилева теснейшим образом связано с метемпсихозом. Переселение душ, обновление тел, эоническое существование в настоящем, прошлом и будущем одновременно – все это своего рода попытки подвести итог жизни и творчества, которые не только переориентируют творчество самого Гумилева, но и согласуются с обширной литературной и культурной традицией (ода Горация “*Exegi monumentum...*”, многочисленные ее переложения в русской и мировой литературе, образ «половины земной жизни» у Данте и пр.). Это сближает репрезентации концепта пути у автора с представлением о пути как о жизненной дороге: от ядерной репрезентации внимание смещается к периферийной, однако семантически не менее значимой.

Прорыв «беспутья» и «безвременья» может быть осуществлен и другим, новым для поэта и его творчества способом: если до «Огненного столпа» субъектом пути так или иначе были люди (от одного человека – рыцаря-

конквистадора – до совокупности людей в виде народа, страны и целой цивилизации), то в поздней поэзии появляются мистические образы «пути слова» и «пути числа», решение которых согласуется с христианскими образами, а также философскими концепциями Платона и Пифагора.

В поздний период, таким образом, кардинально меняется представление о субъекте пути и расширяются его границы – от глубоко личного «я-пути» до абстрактного пути цивилизации и пути слова. Цель пути растворяется в его протекании: путь метемпсихоза и непрекращающейся эволюции не имеет концовки, задача путника – восходить на все более и более высокие этапы.

В целом, от раннего до позднего творчества Гумилева концепт пути проходит смысловой доминантой. Эволюция этого концепта у Гумилева предполагает аккумуляцию различных репрезентаций: при смене субъекта пути, вектора, оценки, способа прохождения пути предыдущий вариант репрезентации остается равноправным участником парадигмы. Архетипическая ситуация пути, к которой восходят периферийные репрезентации концепта, может быть охарактеризована как бесконечное движение-преодоление, движение-развитие, модусом оценки которого является радость и/или спокойствие. Для прототипического пути в творчестве Гумилева практически несущественна «точка Б» - тот пункт, в котором путь может/должен окончиться. В позднем творчестве более уверенно оформляется мысль о том, что путь не может быть окончен, движение и развитие бесконечно.

Жизненная и творческая позиция Гумилева во многом коррелирует с его концептуальными установками: в оценке его творчества все критики и литературоведы отмечают грандиозную эволюцию самого автора, концептуальный прорыв, совершенный им в поздний период, но и до этого – ступенчатое совершенствование, улучшение. Позиционируя путь как неустанное преодоление и работу над собой, Гумилев сам был неукоснительно верен этой концепции и осознавал пройденный им путь как в личностном, так и в творческом отношении.

Обогащение и развитие концепта пути в творчестве Гумилева оказало глубочайшее влияние на представление о пути в семиосфере и концептосфере русской культуры. Несмотря на долгий запрет на его творчество идеи, воплощенные им в стихотворениях, прозе и теоретических статьях получили развитие в русском обществе и оказались созвучными различным представлениям о пути в XX и в XXI столетии. Такова романтизация «трудного пути» комсомольскихстроек, репрезентация преодоления последствий Гражданской, а затем Великой Отечественной войны, в конце XX века – напряженные размышления о пути страны и смене власти.

**Основные результаты работы опубликованы в следующих изданиях:
Публикации в ведущих рецензированных научных журналах и
изданиях, рекомендованных ВАК РФ:**

1. *Дмитриева Ю.Ю.* Восточные мотивы в лирике Н.С. Гумилева: образ воина в творчестве поэта [Текст] / И.Ф. Головченко, Ю.Ю. Дмитриева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 12. С. 186 - 191.
2. *Дмитриева Ю.Ю.* «Память» Н.С. Гумилева: подведение итогов духовного пути в свете горацианской традиции [Текст] / И.Ф. Головченко, Ю.Ю. Дмитриева // Культура и цивилизация. 2017. Т.7. № 1А. С. 201 - 208.
3. *Дмитриева Ю.Ю.* Мотив пути в городском и природном пространстве сборника Н.С. Гумилева «Колчан» [Текст] / Ю.Ю. Дмитриева, Н.В. Бараханова // Казанская наука. 2018. № 9. С.18-20.

Учебное пособие:

4. *Дмитриева Ю.Ю.* Семантический комплекс пути в творчестве Николая Гумилева. Пособие по спецкурсу. [Электронное издание] / Ю.Ю. Дмитриева. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2018. 137 с. URL: http://www.iile.ru/info/biblio_89_9566.html

Публикации в других научных изданиях:

5. *Дмитриева Ю.Ю.* Метасюжет пути в раннем творчестве Николая Гумилева [Текст] / Л.Г. Кихней, Ю.Ю. Дмитриева // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы II Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 27 – 28 марта 2017 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. – Москва – Пенза, 2017. С. 314-322. (РИНЦ).
6. *Дмитриева Ю.Ю.* Отзвуки пифагорейского учения в теории поэтики и в художественной практике позднего Гумилева [Текст] / Ю.Ю. Дмитриева, П.В. Паздников // М.: Сборник научных трудов студентов, аспирантов и соискателей ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. Выпуск 2017. С.237-245.

Дмитриева Юлия Юрьевна

Концепт пути в творчестве Н.С. Гумилева

Диссертация посвящена формированию и эволюции центрального концепта творчества Н.С. Гумилева – концепта пути, который развивается в поэзии, прозе и драматургии по кумулятивному принципу: к ранней модели пути первооткрывателя присоединяются репрезентации пути во времени и в литературном пространстве, затем – акмеистическое представление о «пути наибольшего сопротивления». Осмысление войны и революции в России привело Гумилева к широкому пониманию пути как исторической дороги народа, государства, цивилизации. Прорывом в поздней поэзии Гумилева стали репрезентации пути в стихотворениях «Огненного столпа»: мистический путь слова и путь числа и преодоление тупика через передвижение между мирами.

Dmitrieva Yuliya Yurievna

The concept of the way in the Gumilev's oeuvre

The paper is devoted to the formation and evolution of the central concept in the Gumilev's oeuvre – the concept of the way, which is developed in the prose, poetry and drama on the cumulative principle: to the early model of the pioneer's way author adds the representations of way in the time and literary space, then the akmeistic idea of the “way of maximal resistance”. The thinking on war and revolution in Russia lead Gumilev to the wide idea of way as a historic moving of nation, state and civilization. The new level in the late Gumilev's poetry was the representation of way in the “Fire pillar”: the mystic way of word and number and the overcoming of the deadlock through the moving between the worlds.